

связанной с техникой работе нельзя воспитать коммунистического отношения к труду. Это утверждение представляется нам далеко не бесспорным. Однако, не вступая в полемику по существу вопроса, отметим нечеткость самой формулировки.

На стр. 210 с восторгом говорится о том, что только по мнению 3,3% опрошенных колхозников «счастье заключается в накоплении богатства». Удивительно здесь все же мало; речь ведь идет о членах советского общества, в идейном арсенале которого «богатство» как таковое совсем не в почете. А кроме того, что такое «накопление богатства» в условиях социализма? Подходящий ли вообще это термин? Если он имеет хождение в быту какой-то части населения, то уместен ли он в терминологии исследователей?

В работе значительное место уделено вопросам изучения религиозности населения, указывается процент верующих. Однако как устанавливался этот процент, авторы не объясняют, в то время как методика в этом отношении, по мнению специалистов, имеет решающее значение³.

Многие вопросы остаются не выясненными или только декларируются. Так, утверждение об исчезновении былой вражды между казаками и иногородними никак не раскрывается материалом; не показываются бытовые и общественные формы этого процесса.

В доказательство тезиса об отмирании старых профессий приводится тот факт, что в колхозе в связи с переходом на круглогодичное стойлово-лагерное содержание скота отпала необходимость в пастухах. Этот единственный пример не кажется нам удачным. Во-первых, данную профессию вряд ли можно считать массовой; во-вторых, остается неясным, исчезла ли она совсем, поскольку неизвестно, как и кем осуществляется выпас скота, находящегося в личной собственности колхозников.

Не кажется нам убедительным и объяснение факта уменьшения рождаемости населения: «Коллективное механизированное хозяйство предъявляет спрос лишь на определенное количество рабочих рук, в то время как индивидуальное хозяйство требовало их значительно больше. Раньше женщина работала много, но без отрыва от семьи, а сейчас она работает вне дома. Повысился брачный возраст. Колхозники стремятся дать детям полноценное развитие, что связано с материальными расходами» (стр. 247). Уменьшение рождаемости имеет широкое распространение и не составляет специфику данной местности. Решить вопрос о причинах этого явления сложно⁴, тем более на материалах одного колхоза. Бросается в глаза чрезвычайная прямолинейность первого тезиса, который к тому же никак нельзя признать убедительным. Спорными нам представляются и другие аргументы. Не совсем верно, что ранее женщины работали без отрыва от семьи. Женщины участвовали во всех полевых работах, из-за чего отрывались на целые дни от дома и детей. Брачный возраст, конечно, повысился, но все же не настолько, чтобы супруги могли иметь лишь двух-трех детей. Ссылка же на материальные расходы в данном случае нуждается в более основательной аргументации.

Сказанное выше не снимает общей положительной оценки книги. В заключение хотелось бы высказать удовлетворение по поводу развертывания конкретных социальных исследований колхозной деревни, обобщение результатов которых даст материал для новых книг, с нетерпением ожидаемых советской научной общественностью.

Л. М. Сабурова

³ См., например, Ю. А. Левада, Социальная природа религии, М., 1965, стр. 255 сл.

⁴ См., например, Г. М. Коростелев, Некоторые методологические проблемы изучения развития народонаселения СССР. Строительство коммунизма и формирование нового человека, «Ученые записки Свердловского педагогического института», сб. 35, Свердловск, 1966.

Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика, М.—Л., 1966, стр. 362.

Недавно вышедший второй том «Трудов Тувинской археолого-этнографической экспедиции» Института этнографии АН СССР посвящен этнографии и археологии бассейна р. Хемчика, левого притока Енисея, где в основном была сосредоточена работа экспедиции в 1959—1960 гг.

Книга представляет собой итог непрерывного и равномерного изучения всех эпох истории Тувы, от середины I тыс. до н. э. до современности. Сопоставление археологических данных с этнографическими, характерное для всех статей сборника, отчетливо выступает как метод работы этой экспедиции и представляет одну из основных ее удач.

Рецензируемый труд открывает вводная статья руководителя экспедиции Л. П. Потапова (стр. 3—12), в которой сжато излагаются основные результаты ее работы за 1959—1960 гг.

Далее в книге следуют этнографические и археологические статьи, которые мы для удобства изложения рассмотрим в хронологическом порядке.

Статья С. И. Вайнштейна (стр. 141—184) «Памятники казылганской культуры» посвящена могильникам скифской эпохи Озен-ала-белиг и Кок-эль. Описания раскопанных курганов достаточно подробны, снабжены необходимыми чертежами.

В исследовательской части автор подразделяет казылганскую культуру¹ на четыре хронологических этапа. Наиболее ранними казылганскими памятниками (VII—VI вв. до н. э.) он справедливо считает несколько курганов, раскопанных в последние годы Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории² и не представленных в могильниках Озен-ала-белиг и Кок-эль. В следующий этап — VI—V вв. до н. э. (кокэльский этап) С. И. Вайнштейн включает курганы №№ 15, 16, 48 и 51 могильника Кок-эль. Инвентарь кургана № 48 действительно позволяет говорить о более ранней дате сравнительно с другими курганами. Что же касается инвентаря курганов №№ 15 и 16, то он не дает достаточных оснований для точных дат. К казылганскому этапу — V—IV вв. до н. э. — отнесены курганы из могильника Казылган. Наиболее обоснована датировка Озен-ала-белигского этапа — IV—III вв. до н. э. Найденные здесь сосуды с подковообразными налепами находят аналогии в таких поздних алтайских памятниках как Бийский могильник и не известны, как будто, в ранних памятниках: золотые нашивные листочки каплевидной формы характерны для памятников типа Шибэ на Алтае. Для убедительного обоснования предложенной периодизации необходима дальнейшая аналитическая разработка материала.

В территориальном делении памятников автором подмечены многие отличительные особенности разных районов, — например, постепенное убывание керамики в памятниках с запада на восток, преобладание в центральных и восточных районах земляных курганов, различная ориентировка срубов в разных районах и т. д. В целом выделение С. И. Вайнштейном трех локальных районов казылганской культуры выглядит убедительно. Интересно было бы сравнить эти данные с данными палеоантропологии. В последнее время А. Д. Грачом высказывалось мнение о том, что нет оснований выделять в Туве в скифское время особую самостоятельную культуру, а что памятники скифского времени в Туве представляют собой лишь «центральноазиатский вариант пазырыкского этапа»³. Сходство тувинских памятников скифской эпохи с алтайскими, «тяготение к Алтаю» отмечалось уже многими авторами — С. Р. Минцловым (1916 г.), Г. П. Сосновским (1930-е гг.), С. В. Киселевым (1949 г.), С. И. Вайнштейном (1955 г.)⁴. В дальнейшем исследование археологических памятников Казахстана, привлечение материала из Монголии и Ордоса и сравнение археологического материала с антропологическим из этих районов позволило поставить вопрос более широко: о вхождении казылганской культуры Тувы в обширную культурную, а отчасти и этническую и антропологическую общность, охватывающую перечисленные районы от Казахстана до Ордоса и включающую Минусинскую котловину и лесной Алтай⁵. Последние исследования культуры савроматов, Центрального Казахстана и Монголии подтвердили это мнение, исследователи этих районов его приняли, и систематически приводят тувинские параллели⁶. Говорить сейчас о специфическом сходстве культуры Тувы в скиф-

¹ В работах Л. Р. Кызласова данная культура именуется уюкской.

² М. Х. Маннай-Оол, Новые материалы скифского времени в Туве, «Уч. записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (далее УЗ ТНИИЯЛИ), т. XI, Кызыл, 1964, стр. 280; Н. Л. Членова, Первые комплексы раннескифского времени из Тувы, «Краткие сообщения Ин-та археологии», 107, 1966, стр. 47—53.

³ А. Д. Грач, Проблема соотношения культур скифского времени Тувы, Алтая и Минусинской котловины в свете новейших исследований, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)», Баку, 1965, стр. 86—87.

⁴ С. Р. Минцлов, Памятники древности в Урянхайском крае, «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXIII, Пгр., 1916, стр. 312; Г. П. Сосновский, Памятники Тувы, Минусинска и Алтая, Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 42, д. 147; его же, Скифо-сарматские памятники в верховьях р. Енисея, там же, ф. 42, д. 152; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, Материалы и исследования по археологии СССР, № 9, 1949, стр. 174, 176; С. И. Вайнштейн, Памятники скифского времени в Западной Туве, УЗТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955, стр. 102.

⁵ Н. Л. Членова, Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии, УЗТНИИЯЛИ, т. IX, Кызыл, 1961, стр. 133—156.

⁶ К. Ф. Смирнов, Савроматы, М.-Л., 1964; М. К. Кадырбаев, Памятники Тасмолинской культуры, в кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата,

скую эпоху с одним лишь Алтаем — значит не учитывать, игнорировать глубокие связи ее со всем перечисленным кругом культур. С другой стороны, исследование казылганской культуры показывают и ее определенное своеобразие в рамках названной общности. Очень своевременны поэтому отмеченные С. И. Вайнштейном отличия казылганской культуры Тувы от памятников Пазырыкского типа: отсутствие в эту эпоху в Туве погребений с конем (исключение составляет один курган из могильника Саглы, раскопки А. Д. Грача, 1960); западная и северо-западная ориентировка погребенных в Туве в отличие от восточной ориентировки в пазырыкских памятниках; преобладание скорченных погребений в Туве и вытянутых — на Алтае; отсутствие на Алтае характерных для Тувы оленных камней⁷. Этот список различий можно значительно увеличить.

Статья С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой «Памятники в могильнике Кож-эль-конца I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э.» (стр. 185—291) посвящена памятникам сынь-чюрековской культуры⁸. Введение в научный оборот памятников этой эпохи составляет целиком заслугу Тувинской комплексной экспедиции. Благодаря раскопкам Кож-эля получен первоклассный, яркий, очень разнообразный инвентарь, который и представляет сейчас основной источник по гуннской эпохе в Туве. Множество керамических сосудов, богатейшая коллекция деревянных сосудов, целая серия железных наконечников стрел, уникальный набор инструментов для обработки кожи, найденных в специальном пенале, деревянные модели мечей и кинжалов, бронзовые котлы, — представляют прочную основу для изучения культуры гуннской эпохи в самых различных аспектах. Вполне надежный материал имеется и для датировок: обломок китайского зеркала эпохи Старших Хань, глазчатые стеклянные бусины, круглые железные пряжки представляют раннюю хронологическую границу могильника, II—I вв. до н. э., железные трехлопастные стрелы, аналогичные стрелам из Кенкольского и других подобных среднеазиатских могильников — его верхнюю границу — первые века н. э. Материал издан достаточно полно и вместе с тем компактно.

Убедительны выводы авторов о кочевом характере хозяйства носителей этой культуры и о принадлежности могильника племенам культурно, а возможно и этнически, близких гуннам, но нельзя не пожалеть о том, что приводится мало аналогий из гуннских памятников.

Авторы считают возможным поддержать точку зрения А. Н. Бернштама о связи людей, погребенных в известном Оглахтинском могильнике, с гуннской этнической средой (стр. 257). Обнаруженные в Оглахтинском могильнике деревянные вещи — бочонок, ложка, деревянные модели оружия — последние, правда, другой формы, — действительно очень близки к сыньчюрековским, но керамика, наличие гипсовых масок, обряд погребения не позволяют выделять Оглахтинский могильник из числа других могильников таштыкской культуры, достаточно сильно отличающейся от сыньчюрековской.

Обилие дерева в погребениях сыньчюрековской культуры, вероятно, позволит использовать его для радиоуглеродного анализа, что уточнит длительность существования могильника.

Древнетюркская эпоха в Туве представлена в сборнике в статье С. И. Вайнштейна «Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве» (стр. 292—347). Погребения этой эпохи в могильниках Кож-эль и Озен-ала-бегит также дали богатый и редкий материал — берестяные колчаны, в которых сохранились и древки стрел, окрашенные черной и красной краской, шелковую ткань, приборы для добывания огня сверлением, седла с деревянными основами, деревянную утварь — блюда, сосуды и многочисленные железные вещи — стремена, удила, наконечники стрел, сбруйные бляхи. Автор выделяет три типа сооружений этой эпохи — 1) погребения человека и коня в грунтовых ямах, 2) погребения человека без коня в грунтовых ямах, 3) поминальные оградки, и прослеживает связь археологических памятников с этнической историей Тувы во второй половине первого тысячелетия.

Уникальные находки деревянных основ седел различных форм в сочетании со стременами и подружными пряжками позволили С. И. Вайнштейну четко подразделить древне-тюркские памятники Тувы на три этапа: ишкнинский (VI—II вв.), ак-туругский (VII—VIII вв.) и кара-чогинский (VIII — первая половина X в.).

Интересная и тщательная работа С. И. Вайнштейна по классификации седел имеет большое самостоятельное значение, далеко выходящее за рамки хронологической классификации тувинских памятников.

Статья А. Д. Грача «Археологические раскопки в Сут-холе и Бай-тайге», посвященная публикации памятников различных эпох. Автор выделяет группу «валунно-плито-

1966; В. В. Волков, Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии (канд. диссертация), рукопись, хранится в Архиве Института археологии АН СССР в Москве, р-2, д. № 1947, М., 1965.

⁷ Отметим здесь, что на Алтае, на Чуйском тракте известны оленные камни, но их очень мало.

⁸ В работах Л. Р. Кызласова данная культура именуется шурмакской.

вых» погребений и считает возможным датировать их V—III вв. до н. э., о чем трудно судить, так как эти памятники не содержат никакого инвентаря, за исключением единственного черепка от сосуда казылганской культуры. Кроме того, раскопано несколько курганов с тюркским инвентарем (удила, бляхи конского убора) и китайской монетой VIII в.

Л. Г. Нечаева посвятила свою статью погребениям с трупосожжениями в могильнике Тора-Тал-Арты в Сут-Хольском районе, которые датируются IX—X вв. Эта работа, несомненно, одна из лучших в сборнике. Л. Г. Нечаева, установив, что ближайшей аналогией погребениям из Тора-Тал-Арты является Тюхтятский комплекс, в то же время приводит убедительные доводы, что Тюхтятский комплекс — не клад, а погребение нескольких человек. В результате сравнения могильника Тора-Тал-Арты с могильниками той же эпохи с трупосожжениями на других территориях, автор убедительно доказывает, что погребения Тора-Тал-Арты и другие погребения с сожжениями в Туве оставлены именно кыргызами-завоевателями, в отличие от подобных «мирных» погребений в Минусинской котловине. Сравнив инвентарь курганов с находящимися вблизи них стелами с эпитафиями на древнетюркском языке, Л. Г. Нечаева, на основании явного несоответствия довольно скромного инвентаря с описанием высокого социального положения человека, которому посвящены эпитафии, высказывает справедливые сомнения в возможности датировки стел с эпитафиями по инвентарю находящихся поблизости курганов, предложенной Л. Р. Кызласовым⁹. Это согласуется и с теми серьезными возражениями против этой датировки Л. Р. Кызласова, которые высказывались уже в работах И. А. Батманова и С. И. Вайнштейна¹⁰. Статья В. П. Дьяконовой «Поздние археологические памятники Тувы» (стр. 348—357) посвящена погребениям тувинцев XVII—XIX вв., раскопанным ею под руководством С. И. Вайнштейна¹¹. Поздние погребения тувинцев представляют, несомненно, не только археологический, но и значительный этнографический интерес. В результате раскопок, наряду с известными ранее погребениями тувинцев в насыпях более древних курганов, были открыты погребения, над которыми еще сравнительно недавно специально насыпали курганы из камня. Открытие С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой поздних тувинских курганов имеет особый интерес, так как показывает, что обычай сооружения курганов с каменными насыпями, возникший еще в скифскую эпоху, сохранялся в Туве непрерывно вплоть до этнографической современности.

Статьи Л. П. Потапова «Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика» (стр. 13—55) и В. П. Дьяконовой «О погребальных обрядах тувинцев» (стр. 56—80) составляют этнографическую часть книги, к сожалению, значительно меньшую по объему чем археологическая.

Работа Л. П. Потапова посвящена описанию конкретного материала, собранного в Западной Туве, и содержит сведения о родоплеменном составе тувинцев левобережья Хемчика, их расселении, аальной общине, свадьбе, народных знаниях и шаманстве. Западная Тува, в отличие от других районов республики, до начала работ экспедиции была изучена очень слабо, хотя проживающее здесь население и имело целый ряд специфических особенностей.

Л. П. Потапову удалось установить родоплеменной состав жителей колхозного поселка Ишкин по данным на 1960 г., причем выяснилось, что большинство жителей ведут свое происхождение от тех же групп, которые населяли этот район до революции (стр. 14—16).

Большой интерес вызывает раздел статьи, в котором Л. П. Потапов рассматривает материалы по аальной общине, собранные им в Сут-Хольском и Бай-Тайгинском районах. Известно, что разработка проблемы развития соседской общины у кочевых народов имеет большое значение для понимания специфических особенностей исторического развития многих народов Средней Азии и Южной Сибири. В этом отношении материалы, зафиксированные у тувинцев долины Хемчика, имеют большую ценность. Вместе с тем, нельзя не согласиться с автором статьи в том, что «как бы ни были недостаточны эти материалы, именно они сигнализируют о необходимости углубленного изучения этого вопроса (стр. 18). Аальная община в Туве привлекла внимание ряда исследователей (Ф. Я. Кон, В. И. Дулов, С. И. Вайнштейн и др.), показавших важное значение аальной общины в жизни тувинцев. Однако некоторые, присущие ей особенности, ускользали от внимания исследователей. Так, Л. П. Потаповым было впервые отмечено, что аал именовался главным образом по имени мужчины, старшего среди родственников в аале (стр. 18—19). Интересны сведения, приводимые о различных видах общинных работ, выполнявшихся в аале и др.

⁹ Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, «Сов. археология», 1960, № 3.

¹⁰ И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, УЗТНИИЯЛИ, т. X, Кызыл, 1963; С. И. Вайнштейн, Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары, там же.

¹¹ Архив Ин-та археологии АН СССР, р-1, д. №№ 1958 и 2157.

Большое место в своей статье Л. П. Потапов уделяет описанию тувинской свадьбы. Это описание также содержит ряд не отмеченных ранее деталей свадебной обрядности.

Но нельзя не отметить и некоторые недостатки работы Л. П. Потапова. Читателю не всегда ясно, в какой степени описываемые черты традиционных форм культуры сохранились у тувинцев в период работы экспедиции. В частности, бытует ли в современной Туве весьма подробно описанная свадебная обрядность, некоторые обычаи, связанные с верованиями и др. Статья значительно выиграла бы, если бы был привлечен сравнительный материал из других районов Тувы. Автор приводит некоторые параллели из этнографии монголов, но почти не привлекает этнографию тюркоязычных народов Алтая, Средней Азии, Казахстана. Наконец, хотелось бы сделать некоторые замечания и по приводимым в статье рисункам. К сожалению, в подписях под ними не указано точно место, откуда происходят эти вещи.

В разделе о народных знаниях изложены тщательно собранные Л. П. Потаповым сведения о народном календаре тувинцев, их мерах длины, об определении времени, представляющие исключительный интерес как для этнографии других тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии, так и для истории духовной культуры вообще.

В статье В. П. Дьяконовой о погребальном обряде тувинцев приведены сведения по этому вопросу, собранные ею главным образом в Сут-Хольском районе, а также некоторые материалы по погребальному обряду тувинцев в других районах Тувы (Бай-Тайга, Эрзин). В целом материал собран весьма тщательно, но вызывает сомнение сообщение, приводимое В. П. Дьяконовой со слов одного из информаторов, о бытовании у тувинцев еще в недавнем прошлом обычая устанавливать каменные изваяния в честь умершего (стр. 62). На такое свидетельство следовало бы обратить особое внимание и тщательно его проверить, так как каменные изваяния Тувы хорошо известны, но среди них не обнаружены поздние памятники.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, необходимо сказать, что она по существу представляет собой фактическое обоснование первого тома «История Тувы»¹², значительная часть которого написана на материалах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, но в силу специфики издания лишена ссылок на многие конкретные материалы. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» будут интересны всем, кто занимается недавним и отдаленным прошлым азиатской части нашей страны и других стран Центральной и Восточной Азии.

Н. Л. Членова

¹² «История Тувы», т. I, М.-Л., 1964.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilainen seuran toimintuksia, 133, Helsinki, 1963.

Книга Нийло Валонена, профессора Хельсинкского университета, вышла в свет вслед за рядом работ, с которыми она связана по тематике. В числе их в первую очередь следует упомянуть работы Илимара Талве о банях и снопосушильнях в Северной Европе¹. Эти исследования по крестьянским постройкам обогатили этнографическую науку интересными теоретическими построениями и заслуживающей внимания методикой использования разнообразных источников.

Финляндия, подобно нашей Восточной Прибалтике, представляет собой в этнографическом плане переходную зону, где в различных явлениях народной культуры можно видеть переплетение западных и восточных черт, иногда их контаминацию, иногда наличие четкой границы между ними². Вследствие этого рецензируемая книга представит несомненный интерес и для тех этнографов, которые непосредственно не занимаются финской этнографией.

Н. Валонен поставил перед собой нелегкую задачу исследовать происхождение и развитие основного жилого помещения в крестьянском доме. Изучение финского крестьянского жилища осложняется тем обстоятельством, что современные постройки в большинстве своем утратили традиционные черты, или же приобрели столь развитую

¹ I. Tälve, Bastu och torkhus i Nordeuropa, Nordiska Museets Handlingar 53, Stockholm, 1960; его же, Den Nordeuropeiska rian, Folklivsstudier, IV, Helsingfors-Köbenhavn, 1961.

² К. Вилкуна, Этнографические области Финляндии, Финляндия. Географический сборник, 1956.